
Ирина ВАСИЛЬКОВА

УМНЫЕ ДЕВОЧКИ

Спеша на работу, каждый день вижу на стене соседнего дома огромный рекламный баннер. Гламурно отфотошопленная девушка в минимально нижнем белье рекламирует то ли смартфон, то ли еще какую-то крайнюю необходимость. Мне девушку жалко, и не только потому, что на улице мороз, а она такая беззащитно голая. Пробегающие стайки мальчишек пялятся на нее и весело гогочут, но ничуть не удивляются — в нашей реальности это в порядке вещей. Не то чтоб я ностальгировала по ушедшей советской эстетике, но на плакатах той поры обычно присутствовали двое — юноша и девушка. Они могли убирать урожай, крепить оборонную мощь, строить в тайге города или прижимать к груди учебники, но это и не важно — важно то, что вместе. Не буду утверждать, что красная косынка или строительная каска на девушке выглядят прекраснее нижнего белья (в конце концов, это дело вкуса), но впечатление гендерного перекаса меня не отпускает. Голых юношей, вывешенных на мороз, я что-то не встречала.

Как ни старайся, живая жизнь всегда потихоньку корректирует наши стройные планы и замыслы — занимаясь чем-то привычным и ежедневным, вдруг обнаруживаешь, что занимаешься уже совсем другим.

Так и моя школьная литстудия. Школа вообще явление текучее: дети взрослеют, приходят, уходят, хотят то пятого, то десятого. В нашей в студии первое время мальчики преобладали (впрочем, не столько по численности, сколько по авторитету) и тон разговоров тоже определяли. То мы обэриутов изучали, то в моде были дуэли на карандашах — бесконечное взаимное пародирование, то личные отношения выяснялись посредством лирики. Нормальная литературная учеба. Всем нравилось.

Постепенно новизна исчезла, литературные дискуссии приелись, мальчики насладились узкоцеховой славой и отправились осваивать новые области. Возникшая в школе секция исторического фехтования оказалась более конкурентоспособной — там ценился не столько интеллект, сколько хорошая физическая форма, что в этом возрасте совершенно естественно. Студия наша несколько поредела и по составу стала напоминать известный Смольный институт. Тогда и начались процессы, для меня несколько неожиданные. От литературы мы постепенно начали дрейфовать в сторону социальных дискуссий и пылких психологических споров.

Случилось так, что в это же время я ввязалась во вполне профессиональную газетно-журнальную дискуссию относительно женской поэзии. Поначалу у меня было больше эмоций, чем теоретических соображений, но я решила выправить перекасо и засела в библиотеке Московского гендерного центра, дабы погрузиться

Ирина Васильевна Василькова — поэт, прозаик, учитель литературы. Окончила геологический факультет МГУ, Литературный институт имени Горького и Университет Российской академии образования. В 1971–1990 годах работала на кафедре геохимии МГУ, с 1990 года работает учителем литературы в школе и руководит детской литературной студией. Публикуется в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов».

в труды специалистов. И в силу известной женской особенности поверять все абстрактные теоретические построения собственным опытом нет-нет и вспоминала там о своих студийцах (студийках!). И даже поняла, чего мне не хватает не только в феминизме с постфеминизмом, но и в гендерном подходе к социуму.

Я говорю о сложностях гендерной идентификации. Как известно, наше патриархатное (не путать с патриархальным!) общество довольно рано навязывает своим малолетним членам определенные полоролевые стереотипы. О мальчиках сейчас не говорю, пусть с ними разбирается наш исторический фехтовальщик. Я — о девочках.

Во все времена девочке предписывалось быть доброй, скромной, мягкой... — думаю, список можно не продолжать. А уж насчет ума — известное дело, «волос долог, а ум короток». По этому поводу можно и Аристотеля процитировать, и Канта с Гегелем, да еще и Фрейда добавить — ну, плохо у женщин с умом, что ж поделаешь! Однако коня на скаку и горящую избу — это можем. Советское прошлое нам таких возможностей сколько угодно давало, да мы и сами их искали. Меня вот в геологию понесло, а моя подруга перед институтом год отработала на стройке каменщиком. Текущая же действительность сделала полоролевой стереотип гораздо более жестким. Дети смотрят телевизор, в частности рекламу, создающую образ глянцевого инфантильного дуры. «Я этого достойна!» — воркует красотка, пожелав очередную новую помаду. Вездесущая мода тоже пестует этот образ дурехи, все более раскрепощенной, подчеркивающей к месту и не к месту свою сексуальность, рекламирующей свой товар. Словом, кукла Барби.

Студийки же мои четко осознают себя Другими. И не вписываются в то, что им предлагают. У меня даже термин возник — «умные девочки».

Как-то на занятии я предложила им перейти от поэзии к журналистике и предложить темы, которые их действительно волнуют. Первая из прозвучавших — «Где брать умных мальчиков?», вторая — «Почему мне нравятся девочки?». Да, они позиционируют себя где-то посередине — не мальчики, не девочки. Вроде как третий пол. Я не могла сначала сформулировать их отличие от тех и других, так они мне сами подсказали ключевое слово — «рефлексия». Видовыми признаками обычных девочек они считают не только пристрастие к гламурным ценностям и главную жизненную цель — выйти замуж за красивого и богатого, но и слоган «живи без проблем». Надо сказать, что за это они ярко выраженных девочек вовсе не осуждают (даже снисходительно любят), разумно полагая, что каждому свое. Есть, по их мнению, еще одна категория — «неопределившихся девочек». (Вообще, довольно забавно наблюдать, как девятиклассница, год назад приносившая в студию пафосные тексты о Добре и Зле, вдруг резко меняет ориентацию и, дико выкрасив волосы, гуляет по школе с пирсингом в пупке, а на перемене в школьном туалете высыпает в вырез декольте горсть призывно мерцающих «блесток для тела»... ничего, ничего... молчание.) Возможно, это тоже необходимый этап становления личности, и, пройдя через него, барышни и сами проникнутся таким отвращением к выставленной на продажу женственности, что не вернуться к этому никогда.

Умные же девочки подобных излишеств в одежде себе обычно не позволяют и больше ценят стильную функциональность, к тому же жалуются, что оценивающие (вот он, рынок!) взгляды наших школьных «мачо», так радующие девочек обычных, этих унижают и травмируют. А раз уж появилось в этом тексте слово «травма», попробую экстраполировать процесс гендерной идентификации умных девочек в будущее время и выйти за рамки подросткового возраста.

С этой проблемой я обошла многих своих знакомых («умных женщин», которые когда-то, естественно, были «умными девочками»). Для большинства из них расспросы на эту тему оказались крайне болезненными — им легче было говорить

о семейных неурядицах, неверных возлюбленных и отбившихся от рук детях, нежели о трудностях гендерной идентификации. Некоторые даже признались, что принадлежность к «третьему полу» — главная травма юности, так или иначе определившая их дальнейшую жизнь. Тут начался просто настоящий «Театр.doc»! Выплеснувшихся на меня эмоций хватило бы не на одну пьесу. Интересно, что почти все опрошенные никогда не пытались осмыслить то, что с ними происходит, как явление социальное, объясняя все лишь своей личной «ненормальностью». Я еще раз убедилась, что ощущать себя лицом «третьего пола», не принятого двумя другими, — это особое дискомфортное состояние. Замечу при этом, что формально все они были членами каких-либо компаний, и внешне их статус выглядел достаточно благополучно. Однако внутреннее отчуждение от сверстников было настолько травмирующим, что у некоторых возникало чувство вины, с годами так и не прошедшее. (Один неглупый студент на мой вопрос, как он относится к умным девочкам, вообще страшно изумился: а зачем нам такие нужны?)

Впрочем, все однозначно дали ответ на вопрос: как им приходилось с этим жить, как это удавалось преодолеть? Вариантов не было — притворяться глупой (в один голос!). Везде — дома, на работе, в компании. И еще советовали: не трогай эту тему — заплывают!

Не здесь ли причина того, что умные девочки, не понимающие пока, что с ними собственно, происходит, нередко находятся в состоянии фрустрации и зачастую слыт «трудными подростками», гораздо более трудными, чем обычные девочки и мальчики. Эпатажное поведение, уходы из дома, конфликт со всем светом, переход в экстернат, депрессии — вот классический набор. Но когда школьные психологи разбираются с проблемой девиантного поведения той или иной «маленькой разбойницы», они почему-то никогда не рассматривают в качестве причины подросткового стресса именно трудности с гендерной идентификацией. Имея какое-никакое психологическое образование и роясь в такого рода литературе, я никогда не встречала даже признаков подобного подхода.

Известный факт — если в языке нет какого-то понятия, оно не осознается. Пиво «Клинское» и прокладки с крылышками стали элементами описания этого мира, а проблемы умных девочек не стали. Гендерология пытается сформировать свой понятийный аппарат, но ему еще далеко до того, чтобы им можно было оперировать. Видимо, поэтому любая апелляция к гендерному дискурсу воспринимается в нашем обществе как неловкость говорящего (вроде пролитого на скатерть супа) и вызывает ироническую усмешку. Ну не принято об этом! Секс с экрана — принято, «Та-ту» — принято, а это — ни-ни! Еще и феминисткой обзовут.

Возможно, поэтому наш литературный клуб временами превращается в своего рода тренинг самоидентификации, поиск будущего рисунка жизни. А литература тут почти ни при чем.

1. Текст первый. Марина, 13 лет

Познай самое себя

Я. Я — пресволочнейшее существо. Я страдает вялотекущей шизофренией с осложнением на мозжечок. В связи с чем у Я нескоординированные движения, неадекватные реакции и слабый контроль над собой (кстати, многие гении этим страдали). Я — совершенно свихнутая толкинистка. Я грузит всех желающих никому не нужной информацией о зомби, демонах, черной магии и якутской мифологии. Я больше заботят никому не нужные пыльные, всеми забытые божества всеми забытых народов, чем собственные одноклассники (не в обиду им будет ска-

зано). Я часами дрессирует компьютер. Я пишет длинные бесконечные романы fantasy и ни одного еще не написала. У Я в комнате постоянный бардак. Sorry! Не бардак, а художественный легкий беспорядок, Я считает, что бардак — это когда вещи ровным слоем в 50 см возлежат на всех относительно плоских поверхностях. Я наплевала на собственную внешность, поведение и всемирные моральные устои. Я не имеет совести, точнее, их у нее две, но обе как-то сильно халявят. Я никогда не делает домашних заданий иначе как на перемене. Я не задумывается о своем будущем. Старушки в метро при виде Я нередко крестятся. Я безумно любит себя. Я любит пасмурные дни и северный ветер. Я не видит снов, а если и видит, то только кошмары. У Я извращенная система ценностей (примерно как у семейки Адамсов). Я уверена, что Пушкина не было. Я не любит тепла и солнца. Я слушает металл. Я опасна для общества. Я — хамка и язва. Часто.

Я. Я — по сути своей добрая (когда сытая). Я любит леса и воду. Я гуляет под дождем и лечит горло мороженым. У Я на дисплее компьютера живет склонная к суициду собака. Я пишет стихи, которые теряет, никому не показав (не слушайте, Ирина Васильевна, не пишу я стихов!). Я придумывает бесконечные миры. Я находит образы в пятнах на обоях и облаках. Я не любит задумываться на вечные темы. Я любит шумные компании и праздники. Я часто мечтает (ага! о принце на желтом бронтозавре в зеленую клеточку!). Я производит хорошее впечатление на пожилых малознакомых женщин. Я любит готовить. Я — беленькая и пушистенькая. Редко.

2. Текст второй. Ксения, 14 лет

Перемена, или Три девочки из многих (отрывок)

Вот и кончилась эта нудятина звонок слишком громкий оглохнуть можно Собрать учебники не забыть бы у Лизунчика забрать набор моих цветных ручек впрочем ей они нужнее Подхалимка уйди от меня неужели не понимаешь мне до тебя дела нет Выйти из этого класса насижусь еще там в коридоре лучше Какая у меня красивая походка все оглядываются только на каблуках еще не очень удобно надо учиться Год в этой школе а все еще не привыкли какая я красивая Джинсы самые модные люблюсь Вот и девочки а то и в самом деле скучно было бы одной У Ксюши джинсы моднее!!!! Я этого не переживу надо будет отомстить впрочем они не достойны меня не надо беспокоиться Настя успокойся Смотри какая наглая прошла попой вертит будто есть чем вертеть дать бы ей пинок под зад Пойти бы посмотреть расписание где сумочку оставить Девочки увязались за мной я же их кумир как они меня достали Хотя без них было бы сложнее добиться успеха Хотя что это я я ведь все могу В этой части коридора темнее Наверное потому что здесь нет окон Расписание вот сколько здесь народу будто всем интересно У нас будет история скука смертная двойку еще не получила слава богу нужно будет продолжать учителю глазки строить он в меня влюблен ясно как дважды два а кто в этой школе в меня не влюблен хотела бы я знать Иду обратно сидеть на диванчике там все наши весело только со старшими Опять этот мобильник ну кто там еще что от меня хочет Это мама говорит что я оставила свой доклад по биологии дома боже что делать прогуляю биологию скажу что голова болит Вот и диванчик привет девчонки Ася где ты купила этот свитер чудесная шмотка Боже боже боже на Тате такие же туфли как на мне кошмар что скажут люди если заметят главное чтобы не заметили спрячу ноги под диванчик о там нет места ну будь что будет боже только бы не заметили О чем они разговаривают О мальчиках отлично мне есть что им сказать Был у меня один такой да ладно не при детях же самый кайф был послать его какой урод был да

им такой и не снился зубы выпирали уши под углом 90 градусов зачем я только с ним что-то завела ах да просто так это было летом на даче все равно нечего делать Они заметили мои туфли! О нет только не это ну не говорите про рынок ну слава богу кто бы мог подумать что я буду радоваться звонку!

3. Текст третий. Кира, 14 лет

Мысли вслух

Одинокие тела бродят около тепла...
О. Арефьева

* * *

Легче всего доверять человеку, ненависть которого к тебе больше его собственной жизни.

Это самый надежный человек на свете.

* * *

Вопрос Добра и Зла — не общечеловеческая проблема, она не имеет общечеловеческого решения. Это личное дело каждого.

* * *

Когда братство очень разных людей зиждется на общем происхождении, на общем одиночестве, на общей идее и больше их не связывает ничего, трудно разглядеть химеру.

* * *

Откуда ты узнаешь, что он о тебе действительно думает, почему терпит тебя, зачем ты ему, не сделал ли ты ему больно? Как ты поймешь, что вы идете вместе не только из-за того, что вокруг все — чужие? Что ты нужен ему?

Что он нужен тебе?!

Ты никогда не будешь точно знать. Ты никогда не будешь уверен.

Когда выбора нет выбрать невозможно.

* * *

Если реальность так далека от мечты, то неважно, чуть хуже реальность или чуть лучше. Даже если потихоньку разрыв между ними растет, с этим можно свыкнуться. Постепенно становится просто все равно. Абсолютно.

* * *

Каждая женщина, если она не безумна, желает быть слабее мужчины, быть под его защитой, засыпать у него на руках.

Даже если она очень сильная, даже если она мало похожа на женщину своей жизнью и привычками, она все равно мечтает, чтобы, пусть не всегда и не везде, пусть не постоянно рядом, но был мужчина, который понимает и хочет согреть, который просто бросит мимолетный взгляд, и этот взгляд скажет, что ему не все равно.

Женщине нужен мужчина, который сильнее, с которым можно плакать, можно быть слабой. Просто не всегда быть сильной.

Сильной женщине нужен мужчина, который просто будет идти рядом и ничего не скажет.

* * *

Бесстрашие, если это не бесстрашие полного дурака, не от хорошей жизни. Оно оттого, что терять в жизни уже нечего. А сама жизнь, если ее лишить смысла, недорого стоит. И потерять ее не жалко.

* * *

Читать нужно столько, сколько можешь прочитать, а затем переварить. Обжорство — грех.

* * *

Я честен с тобою ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы мое поведение можно было назвать честностью.

4. Текст четвертый. Наташа, 13 лет

Влюбленная дура

Я похожа на корову, которая, заметив ухаживания со стороны быка, возомнила себя стройной ланью! Не удосужившись сбросить лишний вес.

— Осторожней!

— Спасибо.

...Спасибо. С точкой. А почему, собственно говоря, не с восклицательным знаком? Я веду себя так, будто делаю ему одолжение! И кто бы знал, как мне не хочется быть влюбленной душой! Хотя, в принципе, либо я дура, либо не влюбленная. То, что я дура — факт. Так что эта часть меня не смущает. Но быть влюбленной обязывает...

— ...И вот мы туда вошли...

...Интересно, куда они пошли?.. Действительно, я дура, но не влюбленная! Нормальная влюбленная дура как следует слушает, усиленно хлопает ресницами и все время поддакивает!.. Ладно, буду вживаться в роль... У меня от такого хлопанья глаза болят!..

— Да, да, как интересно!

— *Что* интересно?!

5. Текст пятый. Саша, 13 лет

* * *

Здесь рассеяны следы света и разума,
Здесь царит зеленоватое подобие хаоса,
Здесь плавают странные блеклые образы
Из мифологии и из истории,
Рядом с богами забытого племени
Храпят мастодонты советского времени,
Здесь Пушкин с Дантесом вечно стреляются,
Славяне и викинги часто встречаются,
Здесь рифмуются с болью строки бредовые,
И тут же идеи сгущаются новые,
Сны ничейные бродят отрывками мятыми,
Не совсем замеченными, совсем непонятыми,

Здесь афоризмы слоняются кучами —
Грозою набрякшие тени летучие,
И все, что написано мною ранее,
Клубится в месиве моего подсознания.

6. Текст шестой. Женя, 14 лет

* * *

Вчера, на исходе тяжелого трудового дня, мы с моим другом гуляли по парку. Стоял теплый весенний вечер, и звезды только-только начали появляться на голубом небосклоне.

Мы ходили по парку, было безлюдно, никто не тревожил нас. Но неожиданно мы вышли на освещенную розовыми фонарями площадку. И вообразите себе наш ужас, когда мы увидели, что происходило на той площадке! Это было чудовищно! Вся площадка сплошь была уставлена маленькими скамеечками, на каждой из которых сидели по несколько пар влюбленных и целовались! Мне сделалось дурно. Тут я заметила, что от ближайшей скамеечки отделилась одна парная фигура и пошла по направлению к нам. В ужасе я прижалась к своему другу. «Не бойся, — прошептал он, — мы не дадим им взять нас живьем. Будем держаться до последнего». Парная фигура подошла к нам вплотную. И отвратительно сладко улыбнулась. «Милые вы наши, дорогие! Присоединяйтесь!» — сказала фигура, являвшая собой слившихся в одно юношу и девушку, блондинов с голубыми глазами. «О, нет!» — вырвалось у меня. «Бежим!» — закричал мой друг, и мы со всех ног бросились прочь от этого ужасного места. Но сколько бы мы ни бежали, мы не могли выбраться с площадки. Сжимали кольцо парные создания, разверзая свои алчные рты со стекавшей оттуда слюной — они хотели лишь одного — заставить нас поцеловаться. Нет! Что делать? Я была в отчаянии. Как выбраться из адского кольца? Но тут моего друга осенила гениальная мысль:

— Ах, смотрите! Это же Купидон летит!

Парные создания закопошились, забегали и начали делать все возможное, чтобы попасться на глаза Купидону. Тут-то мы рванули на полной скорости. На этот раз нам удалось вырваться, ибо создания были заняты только несуществующим Купидоном. Мы бежали все дальше и дальше, пока не выдохлись. Оглядевшись по сторонам, мы поняли, что провидение привело нас прямо к порогу моего дома. Мы распрощались и пошли спать. Больше мы с другом не ходим в этот парк.

Собираясь под вывеской литстудии, они хотят разговаривать о вещах, о которых больше говорить не с кем. Невозможность содержательных разговоров — основная причина их разочарования в прочих подростках. Они держатся стайкой — это помогает им сформировать свою референтную группу, — но еще не знают, что найти настоящую подругу, способную адекватно тебя понять, можно только внутри этой группы, и это настоящее счастье, о котором потом вспоминают женщины не самого юного возраста, потому что в конце концов оказывается — эти отношения были радостнее и гармоничнее мучительно не складывающихся отношений с противоположным полом, никогда не свободных от гендерных паттернов подсознания.

Куда умным девочкам деваться дальше? Современная культура как бы табуирует истинную умную женственность. У них есть два варианта — усвоение мужских стереотипов и ценностей или попытка сохранить свою самоидентичность, стать реальной женщиной, без навязанных чужих образцов.

Первый путь дает возможность реализации в качестве бизнесвумен, женщин-политиков или фаллоцентричных литературных критикесс. У таких есть шанс достигнуть успеха в мужском мире. Они заранее выбирают напор и агрессивность

как осознанную стратегию и становятся тем, что по-простому называется стервой. (Целую коллекцию психологических пособий на тему «Как быть стервой» я с удивлением обнаружила в большом книжном магазине.) Вторые, при всем своем уме, не могут отказаться от своей женской сути, такой неагрессивной, а посему выбор между «быть» и «иметь» делают в пользу «быть». И тут возможен весь спектр — от умных домохозяек, ушедших в заботы о семье (что тоже чревато неврозом!), до не очень-то социально успешных маргинальных профессорш и поэтесс.

Пока полоролевой стереотип общества будет все навязчивей предлагать женщине роль инфантильной куклы, умным девочкам будет все более некомфортно в таком мире. (Инфантильная-то инфантильная, а своего не упустит — нам ведь все уши прожужжали, что «лучшие друзья девушек — это бриллианты». Но бесплатный сыр бывает только в мышеловке — вот и сиди голая на морозе.) При этом никто не отменял трескучую риторику о том, что гендерные роли сближаются, что в цивилизованных странах у женщины возрастает число возможностей, равных мужским. Хотя проблему все-таки осторожно формулируют — не случайно же появляются термины «гендерквир», «гендерная некомфортность», «гендерная дисфория» и тому подобные, хотя чаще всего в связи лишь с трансгендерным переходом. А я говорю вовсе не о переходе, а о том, что ролевые стандарты не только разводят мальчиков и девочек в разные стороны, но и уводят от собственной идентичности. Это всегда происходило, но во времена победы гламура — особенно жестко.

— Ну, может, вы не правы? — спросила я своих девочек. — Не одни же вы умные. Вон Миша среди вас присутствует.

Ответом был искренний хохот: «Миша — тоже умная девочка!»

Р. С. Закончить, что ли, характерной цитатой: «...если в женщине видеть человека, да еще себе равного, то никакой половой акт в принципе невозможен» (Сергей Боровиков, «Новый мир», 2004, № 12. С. 139)? Может, в этом все дело?